

ОБСУЖДЕНИЕ «ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ», Т. I

В апреле 1948 г. Институтом истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР было создано научное совещание, посвященное обсуждению т. I «Всеобщей истории архитектуры», в связи с подготовляющимся его переизданием.

Этот труд, изданный в 1944 г., распадается на четыре части: 1) архитектура доклассового и раннеклассового общества; 2) архитектура древневосточных деспотий; 3) архитектура Эгейского мира; 4) архитектура древней Мексики и древнего Перу. Книга содержит 203 страницы текста и 165 таблиц с иллюстрациями. Часть первая, посвященная истории архитектуры первобытно-общинного строя, принадлежит перу А. С. Гуцина, при участии К. А. Иванова. Часть вторая состоит из следующих глав: 1) архитектура древнего Египта, 2) архитектура древнего Двуречья и долины Инда, 3) архитектура горных стран передней Азии (хетты, Палестина, Финикия, Урарту), 4) архитектура Ассирии и Нового Вавилона, 5) скальная архитектура стран Малой Азии, 6) архитектура Ирана эпохи Ахеменидов. Из них первые две написаны Н. Д. Флинтнер с дополнениями В. Н. Владимирова. Глава третья, по разделам «Хеттская и сиро-хеттская архитектура», «Архитектура Палестины и Финикии»—Н. Д. Флинтнер с дополнениями Е. М. Томиловской (по разделу архитектуры хеттов). Раздел «Архитектура Ассирии и Нового Вавилона» составлен А. А. Сидоровым, с дополнениями М. Я. Гинзбурга. Раздел «Архитектура халдов»—С. В. Бессоповым. Глава «Скальная архитектура стран Малой Азии» принадлежит И. Л. Маца. Глава «Архитектура Ирана эпохи Ахеменидов»—С. И. Сахарову.

Часть 3-я—«Архитектура Эгейского мира» написана С. А. Кауфман с дополнениями Н. Е. Роговина, часть 4-я—«Древнеамериканская архитектура»—М. Я. Гинзбургом.

Поставленное на обсуждение собравшихся историков архитектуры, историков древности и археологов издание при имеющихся достоинствах, определивших его место в качестве необходимого пособия при изучении истории архитектуры в специальных учебных заведениях и на исторических факультетах, вызвало целый ряд критических замечаний в отношении построения и оформления, в особенности же по содержанию некоторых его глав.

В наши дни история древней архитектуры, быть может, более, чем какая-либо другая, претерпевает многообразные изменения и перестройки, вызываемые быстрым накоплением нового археологического материала и значительной работой в области методологии и истории социальных отношений в древности. Сказанное относится в особенности к истории первобытно-общинного строя и его материальной культуры, а также древнейшей стадии истории древневосточных рабовладельческих обществ, контуры которых определяются в наше время благодаря интенсивным археологическим раскопкам на восточных берегах Средиземноморья и в Передней Азии. Немаловажное значение имеют вопросы периодизации и хронологии средиземноморских культур эпохи бронзы и раннего железа, поставленные в связи с происходящими в настоящее время пересмотром и уточнением древневосточной хронологии II—III тысячелетий до н. э. Это касается в первую очередь эгейской и древнеанатолийской (тройанской) культур, хронология которых подвергалась большим колебаниям, а в настоящее время может быть установлена более прочно на основании синхронизмов с передатированным царствованием Хаммураби и XIII египетской династии. Эгейская хронология должна быть приведена в соответствие с хронологией древней Трои, получившей твердую базу в стратиграфической шкале, разработанной на основании новейших раскопочных данных. Все это имеет значение при разработке вопросов истории архитектуры эпохи бронзы и должно быть учтено при переработке обсуждаемого издания.

В докладах, прочитанных на совещании, весь этот круг вопросов получил широкое освещение. С. П. Толстов, говоривший о первобытной архитектуре в свете новейших открытий советской археологии и этнографии, в особенности подчеркнул важность этнографического материала при построении раздела истории архитектуры доклассового общества. Он указал, что этнографический материал, при правильной

его периодизации на основании схемы Маркса—Энгельса, с поправками, предложенными советской наукой в отношении размещения некоторых индейских и океанийских племен, призвал наполнить живым содержанием сухие и фрагментарные планы и реконструкции первобытных архитектурных сооружений, создаваемые на основании археологических данных.

С. П. Толстов стремился показать, что именно по этнографическим данным можно проследить, как локальные особенности строительно-технического порядка, обусловленные строительным материалом, перерастают в стилистические приемы, распространяющиеся затем на значительные пространства. В качестве примера докладчик привел изогнутую форму кровли китайской фанзы, происходящую от пригибавшихся тонких жердей—стропил перекрытий древнекитайских длинных домов эпохи родового строя, осознанных затем стилистически и получивших применение в китайской, монгольской и индийской архитектуре. Им было указано на значение открытий в области первобытной архитектуры, сделанных на территории советской Средней Азии (Кельтеминарская культура), и на способы реконструкции остатков открытых жилых сооружений на основании этнографических параллелей.

Значению новейших археологических открытий на территории СССР для построения истории архитектуры эпохи рабовладельческого строя были посвящены следующие два доклада.—Б. Б. Пиотровский говорил об архитектуре древних урартов, в частности об архитектуре раскапываемого им дворца в Кармир-блуре, а также и о тех изменениях и дополнениях, какие необходимо сделать при переиздании книги в связи с этими новыми открытиями. Проблемам еще вовсе не изученной архитектуры скифов, также преимущественно на материале собственных археологических открытий, посвятил свой доклад П. Н. Шульц. Он продемонстрировал деревянное скифо-сарматское жилище по изображению, найденному в одном из каменных склепов Неаполя скифского в Крыму, а также подробно рассмотрел планы больших скифских городищ на Днепре—первых своеобразных поселений городского типа, с огромной территорией, включенной в городскую ограду, очевидно, в целях охраны принадлежавшего поселению скота.

Все эти данные значительно изменяют наши представления об архитектуре народов СССР эпохи первобытно-общинного и рабовладельческого строя. В первом издании книги соответствующий материал был подобран довольно случайно и расположен не в том порядке, как это определяется последовательностью смены общественных формаций. Достаточно сказать, что архитектура скифов трактовалась в разделе первобытно-общинной архитектуры.

С. А. Кауфман посвятила свое сообщение вопросам переднеазиатской и эгейской архитектуры. Она в особенности указывала на необходимость использования археологического материала, добытого за последние годы в Месопотамии, Сири и на о. Кипре и на материке Греции, позволяющего проследить истоки древнеавилонского зодчества не в Шумере, как это еще считалось до недавнего времени бессмысленным, а на севере Месопотамии, в Ассирии, где раскопки обнаружены более древние, нежели шумерийские, архитектурные остатки. Она указывала также на необходимость показать пропикновение на восток критского влияния, определившего формы кипрских и западносирийских (Рас-Шамра) погребальных сооружений. По мнению С. А. Кауфман, новый материал микенской эпохи, а также более тщательное изучение материалов раскопок периферийных пунктов элладийской культуры создадут более отчетливое представление о происхождении эгейских архитектурных форм и облегчат понимание преемственности эгейской и древнегреческой архитектуры.

Докладывая по разделу архитектуры древнего Египта, В. В. Павлов указал, что этот раздел, менее других вызывающий нарекания, все же подлежит некоторой переработке. Это следует сделать по линии более отчетливого выявления роли индивидуальных художников-строителей древнего Египта, имена и стилистические приемы которых могут быть отчетливо различимы, а также по линии углубления вопросов древнеегипетской эстетики, определение которой требует размежевания и борьбы с современными буржуазными модернизаторскими теориями.

Высказанные в докладах положения и пожелания были развиты в прениях, в которых приняло участие большое число историков, археологов и историков архитектуры.

Было указано, что более тщательное использование археологического и этнографического материала, введение в научный оборот фактов периферийного значения, обычно игнорируемых историей архитектуры, стремящейся к ограничению лишь монументальным материалом, позволит заново и на строго научной почве поставить вопрос о происхождении некоторых наиболее распространенных форм средиземноморской архитектуры, каковы мегалиты, мегаронообразные сооружения и атриевые (перистильные) здания.

Для понимания процессов истории отечественной архитектуры также необходима мобилизация всего огромного и нового археологического материала с территории СССР. Многие элементы своеобразия позднейшего русского деревянного и каменного зодчества могут быть прослежены на памятниках северных свайных поселений, на трипольских жилищах и их моделях, на погребальных сооружениях каткомбной, срубной и скифо-сарматской культур юга и востока СССР.

Мобилизация всего этого богатого материала, еще ждущего в значительной мере своего исследователя, не только обогатит историю архитектуры новыми фактами, обеспечит полноту и последовательность ее изложения в перерабатываемом т. I «Всеобщей истории архитектуры», но и создаст существенные условия для преодоления чуждых влияний и формалистских построений, идущих не от фактического материала, а от искусственных схем. Этим будет совершен новый шаг на пути создания марксистской, советской истории архитектуры.

Л. Е.